

Заключение

Анализ материала, изложенного в предшествующих разделах, показывает, что грамматическая система общеадыгского языка включает три основных компонента: 1/ явления, унаследованные от западнокавказского состояния; 2/ явления, объединяющие общеадыгский язык с убыхским или абхазской подгруппой; 3/ явления, сложившиеся на общеадыгской почве. В период после распада общеадыгского единства грамматическая система подверглась значительным изменениям, обусловившим расхождения между адыгскими языками и диалектами в их современном состоянии. В этом отношении наиболее глубокими оказались изменения в строении глагола, занимающего центральное место в грамматике адыгских языков.

Многие общеадыгские явления оказываются продолжением не только генетических, но и формально - типологических и контенсивно-типологических признаков западнокавказского состояния. Не вызывает сомнения, что имеющее место в общеадыгском языке четкое противопоставление имени и глагола по степени синтеза восходит к западнокавказскому хронологическому уровню, хотя многие черты, осложнившие систему глагола, являются результатом параллельного развития, индивидуальных преобразований праязыковых /западнокавказских/ моделей или поздних инноваций в отдельных языках.

В области именного словоизменения общеадыгский язык во многом продолжает строевые черты таких праязыковых /западнокавказских/ грамматических категорий, как посесивность, союзность, определенность-неопределенность. В то же время эти древние грамматические категории, сохраняя существенные материальные и типологические особенности западнокавказского состояния, подверглись существенным преобразованиям в эпоху обособления общеадыгского языка. Категория отчуждаемой-неотчуждаемой принадлежности, свойственная адыгейскому языку, должна быть рассмотрена как продукт индивидуального преобразования западнокавказской модели на общеадыгской почве. Трансформация

аналитического способа выражения сочинительных отношений в синтетический как следствие развития союзного /сочинительного/ суффикса на базе союзного слова отмечается во всей группе западнокавказских языков.

Адыгской инновацией является выражение категории определенности-неопределенности суффиксальным способом. Можно полагать, что убыхский, абазинский и абхазский представляют собой зону консервации, сохраняя архаичный тип выражения категории определенности-неопределенности с помощью чередования префикса а- с нулем. Во всей группе западнокавказских языков к новообразованиям относится грамматическая категория числа. Склонение сложилось в период после распада западнокавказского языка. Противопоставление именительного и эргативного падежей – адыгско-убыхская инновация. Абхазская подгруппа не знает подобного противопоставления, что отражает состояние западнокавказского единства.

Местоимения относятся к разным хронологическим уровням, отражая процессы как западнокавказского, так и более поздних праязыковых состояний. Личные местоимения своими корнями уходят в западнокавказскую эпоху, хотя их система окончательно сложилась в более поздний период. К западнокавказскому уровню могут быть возведены указательные местоимения а 'этот', уы 'тот'. Вопросительные и определительные местоимения отражают процессы как общеадыгского и западнокавказского состояний, так и эпохи поздних адыгских диалектных инноваций. Количественные числительные 1 – 8, 100 – западнокавказское наследие, 9-10 – адыгско-убыхское наследие. Из двух моделей – двадцатиричной и десятиричной – представленных в современных адыгских диалектах, исходной является первая. Исходной, западнокавказской моделью образования характеризуются порядковые и разделительные числительные.

К западнокавказскому уровню возводятся не только важнейшие элементы морфологической системы общеадыгского глагола /например, аффиксы, выражающие субъектно-объектные, отрицательные, каузативные, локальные, направительные и другие отношения/, но и его основные структурные

и глубинно-семантические явления. К последним относятся модели аранжировки значимых частей многоморфемного глагола, зависимость не только иерархии субъектно-объектных аффиксов, но профилирующих признаков эргативной морфологии, шире — эргативной типологии от семантики глагольной лексемы.

Наряду с делением глаголов на транзитивные и интранзитивные выделяется класс нейтральных /лабильных, диффузных, — по иной терминологии/ глаголов, обладающих вариантным управлением, образуя номинативную и эргативную конструкции. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в группу нейтральных входят не только глаголы, восходящие к западнокавказскому состоянию, но и производные, отыменные глаголы позднейшей формации. Класс диффузных глаголов активно пополняется отыменными глаголами, образованными в поздний период диалектного дробления адыгских языков. Глаголы вариативного управления в западнокавказских языках находят типологические параллели в разных языках /см., например, Holisky, 1987/.

Общеадыгские формы времен и наклонений обнаруживают лишь отдельные особенности, разделяемые другими западнокавказскими языками, что объясняется, по-видимому, радикальным преобразованием старых моделей на общеадыгской почве. Особой устойчивостью отличается категория отрицания. Аффикс отрицания -м-, обладающий статусом префикса и суффикса, восходит к западнокавказскому состоянию. Развита префиксальная деривация, характерная для глагола всех западнокавказских языков, во многих отношениях является продолжением их праязыкового состояния. Общеадыгский язык объединяется с другими абхазско-адыгскими языками не только указанным структурным признаком, но — что более важно — материальной общностью многих деривационных префиксов. Во всей группе языков целый ряд локальных превербов сложились на базе названий частей тела и организма, восходящих к западнокавказскому уровню.

В словообразовании и словоизменении глагола широкое распространение получили морфонологические чередования, сложившиеся в разные исторические эпохи. В морфонологии 354

глагола отмечаются тенденции, характерные для всей группы западнокавказских языков /редукция конечного гласного ы корневых морфем типа SV, SSV при сочетании с препозитивной слогаобразующей морфемой, выражение направления путем альтернации или редукции гласных и др./. Глагольной морфологии свойственны альтернационные ряды общеадыгского уровня, а также более поздние процессы, протекающие с разной степенью интенсивности в адыгских языках и диалектах.

Общеадыгские синтаксические структуры включают наряду с элементами ранних праязыковых состояний набор собственно адыгских новообразований. Данные внутренней и сравнительной реконструкции позволяют постулировать для общеадыгского состояния вариативные типы атрибутивных словосочетаний, т.е. сосуществование старых западнокавказских, адыгско-убыхских и новых синтаксических моделей.

Данные внутренней реконструкции подтверждают преобразование как исходной модели "качественное прилагательное + существительное" в модель "существительное + качественное прилагательное" в истории западнокавказских языков, так и исходной /западнокавказской/ модели "количественное числительное + существительное" в модель "существительное + количественное числительное" в общеадыгском.

Адыгские языки характеризуются особенностями, составляющими набор типологических признаков эргативного строя. Наряду с противопоставлением эргативной и номинативной конструкций, обусловленное делением глаголов на транзитивные и интранзитивные, выделяется инверсивная /афферентная/ конструкция, управляемая менее ограниченным классом глагольных лексем. В зависимости от строения имени деятеля /агенса/ и имени объекта /пациенса/ в общеадыгском языке различаются два типа эргативной конструкции: глагольный и глагольно-именной. Глагольный тип обусловлен лексически личными, вопросительными, другими местоимениями, собственными и некоторыми другими именами, выступающими формально немаркированными в синтаксических позициях агенса и пациенса. В глагольном типе эргативной конструкции грамматическим маркером агенса и пациенса является словопорядок. Выделение глагольного типа основывается на значительной функ-

циональной нагрузке местоимений /особенно личных и вопросительных/ и высокой частотности собственных имен, фактически составляющих открытый список лексем в языке. Глагольно-именной тип эргативной конструкции связан с классами слов, различающими эргатив и номинатив. Рассматриваемые синтаксические конструкции свойственны общеадыгскому языку, хотя хронологически сложились в разные исторические эпохи. Из двух типов эргативной конструкции глагольный должен быть приписан западнокавказскому состоянию, а глагольно-именной — общеадыгскому. Глагольный тип встречается также в убыхском языке наряду с глагольно-именным, а в абхазском и абазинском является единственной моделью построения эргативной конструкции.

Обращает на себя внимание наличие двух равноправных слово порядков эргативной конструкции. Наряду со слово порядком SOV типичным для эргативной типологии, представлен слово порядок OSV, явно зависимый от семантической детерминанты транзитивного глагола-сказуемого: конструкция управляется глаголами типа уыч1ы-н 'убить', тхьэлэ-н 'задушить', 'умертвить' и др. Слово порядок OSV повторяет порядок морфем транзитивного глагола: адыг. уы-сэ-хы 'тебя /О/ я/S/ несу /V/'.

Особенностью эргативного строя, возводимой к общеадыгскому единству, являются переходные, промежуточные явления, связанные с перестройкой строения эргативной конструкции. Типы преобразованных конструкций различны и довольно многочисленны, но ни один из них не отвечает эталону эргативной конструкции, так как не достает того или иного ее признака: ср. каб. пшагъуэ-р к1ы-тырихуашъ 'туман выпал', йыльэсы-р йыуыхашъ 'год кончился', где первый член маркирован формой им.падежа, а второй член по своей структуре является транзитивным глаголом. Наряду с процессами преобразований эргативных конструкций отмечается перестройка интранзитивного глагола номинативной конструкции — явление локальное, новое, охватывающее лишь отдельные региональные диалекты. Речь идет об аналогическом выравнивании аранжировки личных аффиксов интранзитивного глагола по модели

транзитивных глаголов: абадэ. уы-сэ-дэ1у 'тебя я слушаю', сы-уэ-ды1у 'я тебя слушаю'.

Проведенный анализ позволяет затронуть историко-типологический вопрос о развитии контенсивных типов, направлении их преобразований и относительной хронологии. Хотя адыгские /шире — западнокавказские/ языки относятся к языкам эргативного строя, для них характерен целый набор импликаций, общих с языками активного строя: диффузные глаголы, категория отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности, морфонологическая оппозиция "центробежность — центростремительность", отсутствие показателя 3-го лица прямого дополнения при наличии показателя подлежащего транзитивного глагола и др. /Климов, 1977/. Многие из них сложились в поздний период самостоятельного развития адыгских языков и диалектов. Если даже допустить процесс регенерации некоторых элементов архаичного языкового типа в поздний исторический период, то остается очевидным факт продуктивности новообразований /диффузные глаголы с вариативной моделью управления, выражение ориентации — центробежности и центростремительности — с помощью аблаута и др./. Рассмотрение подобного набора признаков как остаточного и архаичного пласта "доэргативного" строя логически означало бы, на наш взгляд, необоснованное постулирование для истории западнокавказских языков глобальных и поэтапных преобразований одних контенсивно-типологических типов другими.

В заключение следует подчеркнуть, что проведенный сравнительно-исторический анализ материала еще раз подтверждает тезис, согласно которому обособлению адыгско-убыхского единства от праабхазского в период после распада западнокавказской общности способствовала не только консервация ряда праязыковых явлений, но, что более существенно — зарождение инноваций, определивших своеобразие грамматической структуры адыгско-убыхской диалектной группы. Адыгско-убыхское диалектное единство поддерживается не только общностью многих единиц морфологического уровня, но и наличием однотипных моделей склонения и спряжения.